

ОТЗЫВ

официального оппонента А.В. Наумова
о диссертации Невского Руслана Эмилевича
«Преступления против человечности: вопросы
криминализации и квалификации в российском
уголовном праве», представленной на соискание
ученой степени кандидата юридических наук по
специальности 5.1.4 – уголовно-правовые науки

Диссертация Невского Р.Э. выполнена на тему, представляющую значительную актуальность. Это может быть подтверждено рядом аргументов. Во-первых, в связи с тем, что, по справедливому суждению самого соискателя, «в последние двадцать лет в мире резко возросло количество различных международных и внутригосударственных конфликтов и военных противостояний, к сожалению, неизбежно сопровождающихся совершением военных преступлений и преступлений против человечности», что «не осталось без внимания международного сообщества» (с.4-5). Во-вторых, что еще в 2014 г. Комиссия международного права ООН приняла решение о необходимости принятия единой Конвенции о преступлениях против человечности и создано уже несколько *официальных* ее проектов, но до сих пор неизвестно, когда такая Конвенция будет принята, в связи с чем обязанность по предупреждению таких преступлений возлагается на уголовное право каждого государства. И, наконец, в-третьих, актуальность данной проблемы в серьезной мере усилилась в связи с осуществлением Специальной военной операции Вооруженных Сил РФ вначале на территории Украины, а позже, т.е. после освобождения территории ЛНР и большей части ДНР, Запорожской и Херсонской областей - и на территории Российской Федерации. В своих обращениях к гражданам России Президент Российской Федерации В.В. Путин убедительно обосновал вынужденность принятия указанных мер (защита не только населения Донбасса, но и безопасности Российской Федерации) и их цели – демилитаризация и денацификация

правительственного режима на Украине (<https://rg.ru/2022/02/24/vladimir-putin-vystupil-s-obrashcheniem-k-rossiianam.html>).

Диссертация характеризуется необходимой для такого рода исследований *научной новизной*. Известно, что научный «всплеск» к разработке данной проблемы (как и к пониманию всей системы преступлений против мира и безопасности человечества) произошел на рубеже XX-XXI веков и был связан с деятельностью новой системы международной уголовной юстиции, в частности был защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций, посвященных общим вопросам международного уголовного права и его влияния на национальное уголовное законодательство, значению международных трибуналов *ad hoc* и развитию системы международной уголовной юстиции. При этом отдельные аспекты понимания преступлений против человечности рассматривались, например, в диссертационных исследованиях, посвященных *геноциду* как наиболее тяжкому преступлению против мира и безопасности человечества. Однако в настоящее время в отечественной доктрине уголовного права существует *единственное* (!) диссертационное исследование (Т.И. Курносовой), специально посвященное имплементации международного-правовых норм о преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство (с.8). Последнее несомненно свидетельствует о необходимости исследования проблемы криминализации преступлений против человечности и вопросов их квалификации в отечественном уголовном праве.

Научная новизна диссертационного исследования отражена в *основных положениях, выносимых на защиту*. Среди них официальный оппонент считает выделить, как обладающие научной новизной, следующие:

№2 о том, что Римский Статут Международного уголовного суда не имеет юридической силы для Российской Федерации;

№4 о том, что необходимо четко разграничивать деяния, объективные признаки которых совпадают в конкретных составах преступлений против

человечности и военных преступлений (например, убийства, пытки, причинение «серьезного» вреда здоровью, акты сексуального насилия) и что при установлении непосредственной связи такого деяния с вооруженным конфликтом международного или внутреннего характера оно должно быть квалифицировано как военное преступление;

№5, в котором сформулировано *авторское* определение преступлений против человечности: «... это умышленные деяния, являющиеся частью системы преступлений против мира и безопасности человечества, выраженные в широкомасштабном или систематическом нападении на гражданское население, не связанные с вооруженным конфликтом... Преступность этих деяний установлена в международном уголовном праве и рекомендована к установлению в национальном уголовном законодательстве»;

№6 о том, что с учетом положительного зарубежного опыта, наиболее приемлемой для Российской Федерации представляется «рамочная» модель криминализации преступлений против человечности в национальном законодательстве посредством *трансформации* действующих для России норм международного права о преступлениях против человечности во внутреннее законодательство (то есть формулирования самостоятельной нормы в 34 главе УК РФ);

№7 о том, что в условиях отсутствия самостоятельной нормы о преступлениях против человечности в национальном законодательстве, квалификация таких деяний по УК РФ может осуществляться лишь по «остаточному» принципу, что деяние, совершенное в рамках широкомасштабного и/или систематического нападения на гражданское население, не связанного с вооруженным конфликтом, может быть квалифицировано как акт геноцида (ст.357 УК РФ) при соблюдении двух условий: а) гражданское население принадлежит к определенной национальной, расовой, этнической или религиозной группе; б) установлена цель полного либо частичного уничтожения такой группы. При

несоблюдении указанных условий деяние квалифицируется как «общеуголовное преступление» против личности (убийство, умышленное причинение вреда здоровью, похищение человека, изнасилование, насильственные действия сексуального характера и пр.). В случае криминализации нормы о преступлении против человечности последняя должна иметь квалификационный приоритет над «общеуголовными» нормами УК РФ (прежде всего – над нормами о преступлениях против жизни и здоровья, личной свободы, половой свободы и половой неприкосновенности личности).

Рецензируемое диссертационное исследование характеризуется *теоретической и практической значимостью*. Теоретическое заключается в том, что (по справедливой оценке самого автора) «результаты настоящей работы вносят определенный вклад в развитие научного понимания преступлений против человечности как составной части системы преступлений против мира и безопасности человечества» (с.15), а в целом, по мнению официального оппонента, это исследование безусловно расширяет «поле» уголовно-правовой науки и несомненно помогает в научном обосновании уголовно-правового обеспечения проблемы преступлений против человечности. Практическое – для процесса совершенствования национального уголовного законодательства, ставящего в качестве одной из своих задач обеспечение международного мира и безопасности человечества. Оно также заключается в авторских предложениях *de lege ferenda*, направленных на совершенствование уголовного законодательства РФ о преступлениях против человечности и при подготовке руководящих разъяснений Верховного Суда РФ. Кроме того, практическое значение данного исследования состоит и в том, что его результаты могут использоваться в *правоприменительной деятельности* (суда, органов дознания, следствия и прокуратуры) в уголовном судопроизводстве в особенности при квалификации рассматриваемых преступлений и назначении наказания за их совершение.

Известные нормативные документы, предъявляющие требования к кандидатским диссертациям, ничего не говорят об особенностях *структуры* диссертационного исследования. На взгляд же официального оппонента, ее характеристика также является весьма значимой, так как позволяет ответить на вопрос о том, насколько полно то или иное исследование «охватывает» суть диссертационной проблемы и ее важнейшие атрибуты. Рецензируемая диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. В главе первой «Доктринальное понимание преступлений против человечности» (состоящей из двух параграфов) рассматриваются вопросы о содержании российской и зарубежной доктринах о преступлениях против человечности. Во второй главе «Нормативные основания и «контекстуальный элемент» преступлений против человечности и их значение для национального уголовного права» (состоящей из двух параграфов) рассматриваются вопросы нормативного основания и «контекстуального элемента» анализируемых преступлений и их значения для национального уголовного права. В третьей главе «Криминализация преступлений против человечности в национальном уголовном праве» (состоящей из двух параграфов) рассматриваются вопросы зарубежного опыта криминализации преступлений против человечности (на примере стран континентальной Европы) и перспективы такой криминализации в уголовном законодательстве России. В главе четвертой «Вопросы квалификации преступлений против человечности в национальном уголовном праве» (состоящей из двух параграфов) анализируется существующая практика квалификации рассматриваемых преступлений по УК РФ и возможная ее перспектива с учетом международной практики. Такое структурное построение диссертации представляется обоснованным, так как оно позволило соискателю последовательно и содержательно рассмотреть важнейшие аспекты исследуемой проблемы.

Основные положения и выводы диссертации являются научно обоснованными, так как в их основу положены научно обоснованные методология и методика. Методологической основой проведенного

исследования является диалектический метод познания. В работе использованы также следующие методы: историко-правовой, логико-правовой, сравнительно-правовой, социологического опроса (анкетирования). Указанные методы применялись при изучении содержания теоретических источников и правовых норм: в ходе анализа и обобщения результатов опросов специалистов в области уголовного права, а также представителей судов и правоохранительной системы. *Эмпирическую* базу исследования составили 54 решения международных судов (трибуналов) современности (по Руанде и бывшей Югославии, чью юрисдикцию в соответствующее время признавала Российская Федерация). Также была изучена имеющая отношение к теме практика Верховного Суда Российской Федерации (постановления Пленума и решения по конкретным делам) по квалификации убийств, насильственных сексуальных преступлений, иных преступлений против личности. В целях изучения мнения многих специалистов в городах Краснодаре, Москве, Ростове-на-Дону и Ставрополе были проведены социологические опросы. На вопросы анкеты ответили 25 специалистов в области уголовного и международного уголовного права, имеющие ученые степени кандидата или доктора юридических наук. Также проведено анкетирование 100 судей и сотрудников правоохранительных органов (прокуратуры и следователей Следственного комитета Российской Федерации) в Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области. Результаты данных опросов использованы в тексте диссертации.

Основные положения и выводы проведенного диссертационного исследования получили надлежащую апробацию. Они отражены в пяти опубликованных работах, включая четыре статьи в специализированных периодических изданиях перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и сообщались на многих международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях (точное их количество указано в автореферате диссертации), внедрены в учебный процесс (Северо-Кавказского социального

института и Краснодарского университета МВД России), а также используются в практической деятельности прокуратуры Ставропольского края.

Диссертация выполнена автором самостоятельно, а автореферат диссертации отражает ее содержание.

Высоко оценивая научную новизну рецензируемой диссертации, ее теоретическую и практическую значимость, следует отметить, что она, по мнению официального оппонента, не свободна и от некоторых недостатков. В связи с этим официальный оппонент считает возможным высказать и некоторые, отличающиеся от позиции соискателя, мнения и оценки по ряду позиций, которые дают повод и возможность для вступления в дискуссию с автором. В своем отзыве остановлюсь на следующих:

1) Как уже отмечалось, при обсуждении аспекта *актуальности* исследуемой в диссертации проблемы, официальный оппонент отметил, что соискатель справедливо связал его усиление с военными событиями, происходящими на территории Украины, в особенности с началом Специальной военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации. Однако представляется, что проблематика диссертации (ее тематика) и достижение поставленных задач происходящей по инициативе России указанной Специальной военной операции (вначале на территории Украины, а затем продолжающейся и на территории Российской Федерации) требуют хотя бы формулирования причин случившегося и конкретизации в связи с этим «ключевых» аспектов исследуемой проблемы как преступлений против человечности. На первом месте стоит, разумеется, вопрос о роли и сохранении значения общепризнанных принципов и норм международного права для криминализации и квалификации происходящих в условиях СВО военных действий, то есть по толкованию проблемы прав человека при формулировании соответствующих уголовно-правовых запретов (в законодательстве) и в правоприменении (их квалификации), назначения наказания и его исполнения, в особенности смертной казни и лишения

свободы. Много конечно уже изменилось, в особенности с выходом России из Совета Европы и Европейского Суда по правам человека. Но, необходимо всегда иметь ввиду, что в этих вопросах должны существовать определенные «красные» линии, которые нельзя переходить (об этом постоянно напоминает в своих обращениях Президент Российской Федерации В.В. Путин). Как видно из СМИ, многие посчитали, что отныне все эти ограничения (соответствующих международных Конвенций) можно уже не соблюдать. Очевидно, что с этим поторопились и Министр иностранных дел РФ С. Лавров четко сказал об этом (См. Российская газета, 17 марта 2022 г.). Мы конечно же не будем, в ответ на действия украинского руководства, например, унижать, пытаться и убивать пленных – известные Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительные протоколы I и II к ним (в том числе и в отношении военнопленных) остаются для нас обязательными. И мы ни при каких обстоятельствах не должны допускать судебного преследования (даже виновных в преступлениях, совершенных военнослужащими Украины) без судебного разбирательства, хотя к таковому нас иногда «подталкивают» (что известно из наших СМИ), т.е. без адвокатов и других необходимых юридических атрибутов правосудия, путем, например, создания военно-полевых судов (Россия это уже проходила). Мы никогда не будем запрещать детям учиться и говорить на их родном языке, объявлять любые национальности «недочеловеками» и призывать их к уничтожению (нужно помнить, что задача денацификации украинского режима объявлена и с учетом традиции советской политики в оккупированной Германии). И в *этом* плане необходимо иметь ввиду, что Победа в СВО нам нужна, но *не любой ценой*. Это то, чего мы делать не должны. Но есть и такие принципы международного права, которые исторически своими корнями всегда считались европейскими, но нынешней официальной Европой оказались забытыми. Это, например, принцип *презумпции невиновности*, необходимый для реализации подлинно демократических основ уголовного процесса (в том числе и через наши инициативы в ООН).

2) Как уже отмечалось, официальный оппонент признал достоинством диссертации вывод, сделанный в положении №2 (выносимом на защиту), о том, что Римский Статут Международного уголовного суда не имеет силы для Российской Федерации. Однако с другим, на этот счет выводом (в том же положении №2), можно и поспорить. Это насчет утверждения соискателя о том, что «предписания» (указанного Статута - А.Н.) формально не могут быть использованы в качестве нормативной основы криминализации преступлений против человечности в национальном (т.е. российском уголовном – А.Н.) праве». Дело в том, что в Римском Статуте Международного уголовного суда, во-первых, дается «вполне юридически корректное» общее определение преступлений против человечности, а, во-вторых, дополнительно конкретизировано совершение целого ряда таких деяний (например, обращение в сексуальное рабство, принудительная беременность, принуждение к проституции, любое другое насилие сопоставимой тяжести - в дополнение к изнасилованию). И, в-третьих, Римский Статут Международного уголовного суда дает *толкование* целого ряда действий, образующих ту или иную разновидность преступлений против человечности (например, «нападение на любых гражданских лиц»; «истребление»; «порабощение»; «депортация или насильственное перемещение людей»; «пытки» и другие значимые проявления указанных преступлений. Так что же мешает использовать такой правотворческий и правоприменительный опыт для совершенствования «родного» (т.е. российского) уголовного законодательства об ответственности за преступления против человечности? В отличие от советской уголовно-правовой доктрины, идеологическая составляющая стержень компаративистского метода (главное – это оценка буржуазного уголовного права якобы как антинародного, искоренение преступности – лишь с построением коммунизма), цели сегодняшнего исследования этой правовой материи - сугубо практические. Его (изучение зарубежного уголовного права) применение должно служить поиску того, что может быть использовано в правотворческой практике отечественного

законодателя, т.е. того, что, во-первых, в нашем законодательстве отсутствует, а, во-вторых, может быть заимствовано из законодательства зарубежного и имплементировано в наше (см. А.В. Наумов. О специфике содержания и направленности сравнительно-правового метода науки уголовного права в современных условиях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т.18. №4. С.32-36).

3) В диссертации эмоционально утверждается, что «Злодеяния, которые мы сейчас, уже привычно, называем преступлениями против человечности, совершались, начиная с Библейских времен» (с.175). Но так ли это? Разве признаки современного понимания преступлений против человечности не существовали в Древнем Египте, в Древней Греции, в Древнем Риме? В диссертации также утверждается, что в Уставе Нюрнбергского трибунала (от 8 августа 1945 г.) «впервые (! – А.Н) в истории за преступление агрессии, военные преступления и преступления против человечности была установлена индивидуальная уголовная ответственность» (с.54). Что же касается, например, преступлений против мира (и агрессии, в частности), то вопрос о нелегитимности Нюрнбергского трибунала в отношении обвинения подсудимых в преступлениях против мира, был поднят на процессе их защитниками (адвокатами). Последние утверждали, что до Второй мировой войны ни один международный правовой документ не предусматривал ответственности за планирование, развязывание и ведение агрессивной войны и, следовательно, вменение подсудимым такого преступления есть нарушение принципа *ex post facto*, а сам суд есть «суд победителей». Вот здесь то защита была совсем не права, и обвинители на процессе доказали обратное. Лондонское соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси» (и входящий в него составной частью Устав Международного военного трибунала), хотя и было принято 8 августа 1945 г., т.е. после капитуляции Германии, но основывалось на принципах и нормах международного права, в том числе и в части признания агрессивной войны и ее подготовки международным преступлением.

Международно-правовых актов, формулировавших эти нормы, было несколько. Приведем лишь один. В 1927 г. Ассамблея Лиги Наций приняла Декларацию, в которой преступность агрессии была четко зафиксирована: «Всякая агрессивная война является и остается запрещенной» и «составляет международное преступление». Как говорится, чего же более? То есть указанные обвинения Трибунал счел доказанными в отношении, например, захвата и вторжения гитлеровских вооруженных сил в Австрию, Чехословакию, Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Югославию, Грецию, СССР, нападение на США (все в нарушение существовавших международных договоров).

4) Представляется, что можно обнаружить определенные «недоговоренности» в части приведенных доказательств по некоторым аспектам исследуемой проблемы. Так, в диссертации утверждается, что «в настоящее время факт совершения преступления против человечности (и, следовательно, уголовное преследование за него) не обусловлен существованием международного либо внутреннего вооруженного противостояния, а также вовлеченностью в его совершение государственных или иных официальных структур» (с.177). Нужно вспомнить, что международное право достаточно давно отказалось от традиционного термина «право войны» и пришло к термину «право вооруженных конфликтов» или международное гуманитарное право, применяемое в условиях вооруженных конфликтов (см. Курс международного права. В семи томах. Том 6. «Норма», 1992. С.221-250; Международное право. Под ред. Н.В. Игнатенко. М., «Высшая школа», 1995. С.314-325; Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. Учебник. М., «Спарк», 1999. С.115).

Кроме того, если исключить военный (или вооруженный) аспект из понятия (понимания) преступлений против человечности, то получается, что (как это и утверждается в положении №7, выносимого на защиту) в случае криминализации (в УК РФ) нормы о преступлении против человечности, последняя должна иметь квалификационный приоритет над

«общеуголовными нормами о преступлениях против жизни и здоровья, личной свободы, половой неприкосновенности личности». Конечно было бы неплохо, но? Все-таки, как это будет совмещаться с тем, что предполагаемые (как и существующие) в отечественном законодательстве уголовно-правовые запреты совершения преступлений против человечности (например, тот же геноцид) относятся к преступлениям против мира и безопасности человечества. А все они «повязаны» временем и местом (как признаками объективной стороны таких преступлений) – т.е. состоянием либо войны, либо «вооруженного конфликта». И при отсутствии такого условия их, скорее всего, и постигнет предсказанная соискателем судьба «общеуголовных преступлений» (убийств, сексуальных преступлений и т.д.). Как бы то ни было, но указанная позиция требует дополнительного аргументирования.

5) В диссертации достаточно успешно дается характеристика современной зарубежной доктрины определения социально-юридической сущности преступлений против человечности и их системы. В особенности значительный интерес представляет философско-правовой подход к изучению природы преступлений против человечности, что является большим «плюсом» при оценке диссертации. Однако в основе рассмотрения этих вопросов взята уголовно-правовая доктрина европейского континентального права. Представляется, что для российского специалиста было бы не менее интересно уяснить особенности решения соответствующих вопросов и в других системах (или, как их называл французский компаративист Р. Давид – «семьях») уголовного права (общего, социалистического, мусульманского и других).

Сделанные замечания не снижают общей весьма положительной оценки диссертации. В целом официальный оппонент приходит к выводу: диссертация на тему «Преступления против человечности: вопросы криминализации и квалификации в российском уголовном праве» отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, соответствует Положению о порядке присуждения ученых степеней (в действующей

редакции), а ее автор – Невский Руслан Эмилевич заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки Российской Федерации

А.В. Наумов

А.В. Наумов

23 января 2023 г.

Подпись Наумова А.В. Завещаю:
старший научный сотрудник
отдела государственной службы и кадровой работы
Университета прокуратуры
Российской Федерации
А.В. Наумов
23 января 2023 г.

Наумов Анатолий Валентинович, профессор, доктор юридических наук, по специальности 12.00.08: уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, главный научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера Научно-исследовательского института федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университета прокуратуры Российской Федерации», адрес: 123022, Москва, 2-я Звенигородская ул., д.15, тел. +7(499)253-21-19; e-mail: nii@agprf.org